Есин Ю.Н.
(г.Минусинск)

СЕМАНТИКА ДЕКОРА НА СОСУДАХ САМУСЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Около 40 лет назад в Западной Сибири была открыта самусьская археологическая культура эпохи бронзы, время существования которой относят к середине II тыс.до н.э. (Матющенко В.И., 1973; Косарев М.Ф., 1974, с.56-64).

В ее керамическом комплексе выделяется группа сосудов, имевших баночную форму с приостренным или округлым венчиком и плоским дном, для декора которых характерны антропоморфные и зооморфные рисунки, выполненные прочерченными линиями (Матющенко В.И., 1973, с32; Косарев М.Ф., 1987, с.272-273; Молодин В.И., Глушков И.Г., 1989, с.92-97, 1989, с.13-19). Некоторые исследователи считают данную группу керамики культовой (Косарев М.Ф. 1974, с.58).

Целью предлагаемой статьи является исследование семантики декора этой группы сосудов. Попытки такого анализа уже предпринимались (Матющенко В.И., 1961, с.268-269; 1973, с.92-101; Косарев М.Ф., 1964, с.294-295; 1966, с.27-30; Косарев М.Ф., 1984, с.180-230; Вадецкая Э.В., 1969, с.271-274; Студзицкая С.В., 1987, с.319-320, 324; Славин В.Д., 1978, с.16-19; Кирюшин Ю.Ф., 1983, с.113-116; Глушков И.Г. 1987, с.89-94; 1989, с. 20-28; 1992, с. 51-63), однако, можно констатировать, что данный вопрос все еще остается малоизученным. Существующие объяснения построены на различных инокультурных аналогиях и зрительных суждениях, при этом информативные возможности самого самусьского искусства использовались недостаточно.

Для получения более объективных результатов орнамент на сосудах изучается нами как система, предназначенная для коммуникации и состоящая из ограниченного набора изобразительных элементов (знаков) с определенными правилами сочетания. Это позволяет использовать общие принципы анализа, применяемые при изучении других знаковых систем, а изобразительные памятники рассматривать в качестве текстов. В основу работы положена классификация изобразительных знаков и изучение структуры текста. Реконструкция содержания декора осуществляется на основе сопоставления принципов, по которым объединяются или противопоставляются его элементы, с мифологическими и культурными универсалиями.

ОПИСАНИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ ИЗОБРАЖЕНИЙ

Наибольшее количество фрагментов интересующих нас сосудов обнаружено на поселении Самусь IV в Нижнем Притомье (Матющенко В.И., 1961, с.266-267; 1973, с.97-100). Кроме того, аналогичная керамика найдена на поселениях Тух-Сигат IV и Тух-Эмтор IV в верховьях р.Васюган (Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., 1979, с.70; Кирюшин Ю.Ф., 1981, с.112-116), Крохалевка I в Новосибирском Приобье (Глушков И.Г., 1983, 139-143; Молодин В.И., Глушков И.Г., 1989, с.92-97), в Кемеровской области (Бобров В.В., 1992, с.11). В работе учитывались материалы Самусь IV, хранящиеся в Музее археологии и этнографии народов Сибири Томского Государственного Университета и Томском областном краеведческом музее[1].

При выделении и классификации изобразительных знаков – инвариантных единиц текста, учитывая иерархический принцип его построения, мы будем разделять их на простые и сложные, в зависимости от возможности выделить в них более простые элементы, тоже являющиеся знаками. Кроме того, сложные знаки дополнительно сгруппированы по реалистичности. Исходя из этого, нами выделяется четыре основные группы знаков самусьской изобразительной системы.

I группа – наиболее простые знаки. К их числу можно отнести одиночные, двойные и тройные линии, ряды коротких оттисков, волнистые линии, «деревья», «арки», треугольники, дуги, круг, квадрат, многоугольник, крест и др. (табл.1, I).

II группа – сложные нереалистичные знаки, состоящие из нескольких простых (табл.1, II).

III группа знаков – антропоморфные (табл.1, III). Ее целесообразно дополнительно подразделить на несколько подгрупп: a) человеческие фигуры (с ликом и без); b) нереалистичные изображения, в структуру которых включен человеческий лик; c) самостоятельные изображения ликов.

Классическая самусьская антропоморфная фигура выглядит так: двумя вертикальными линиями, каждая из которых состоит из двух дуг, обозначен контур тела; между ними, в верхней части изображения, нанесены поперечные штрихи; знаком в виде полуовала показаны «руки» (рис.1). Существовали и другие варианты (табл.1, IIIa, *1-10*).

Имеются человеческие фигуры без головы, вместо которой изображено от одной до трех вертикальных линий, и с головой. Рисунок головы состоит из нескольких элементов. Ямками либо оттисками трубочки показаны глаза и рот, налепом из глины – нос. По бокам головы часто изображены

---

[1] Выражаю большую признательность В.И.Матющенко за возможность работы с материалами Самусь IV (МАЭС ТГУ – коллекции № 6720, 6750, 6794; ТОКМ – коллекция № 3410).

короткие горизонтальные линии, обычно по три с каждой стороны. Характерным признаком является наличие «головного убора» из трех вертикальных линий. Часто средний луч этого наголовья увенчан выгнутой вниз дугой (рис.7, 8).

Для человеческих фигур типична позиция внутри «арки», форма которой соответствует начертанию знака меньшего размера, зрительно воспринимаемого как руки. Часто полуовалы над туловищем и всей фигурой соединяются несколькими линиями. Обычно две линии расположены на уровне «плеч», а еще две – на уровне «бедер» (рис.11). Иногда, вместо двух верхних линий изображались согнутые в локтях и поднятые кверху руки (рис.8). При этом, дуга над туловищем, как правило, уже не показана, но от локтей воздетых к верху рук вниз опущены прямые линии, восполнявшие ее отсутствие (рис.7).

IV группа – зооморфные знаки (табл.1, V). Среди них преобладают рисунки птиц. Наибольший интерес представляет изображение из Самусь IV, передающее какую-то крупную водоплавающую птицу, более всего напоминающую гуся. Однако конкретные детали образа, в частности загнутый клюв хищной птицы и оформление тела, указывают на мифологический характер этого персонажа и делают невозможным точное определение его видовой принадлежности (рис.5).

Изобразительное пространство самусьских сосудов объективно подразделяется на три орнаментальные зоны по тулову и расположенную в иной плоскости зону днища (рис.1). Для орнаментальных схем в верхнем и нижнем ярусе тулова композиционная ось ориентирована по горизонтали, тогда как изображения среднего яруса располагаются вертикально. Для днища характерен концентрический принцип построения декора: здесь типичны знаки в виде окружностей, квадратов, многоугольников (рис.12, 2, 4). Однако и на этой части сосуда встречаются изображения с линейной композиционной осью: биконические, антропоморфные и другие фигуры. Учитывая положение дна относительно всего сосуда, их позицию следует считать горизонтальной и сравнивать с расположением знаков в приустьевой и придонной зоне (рис.1, 10, 11). Приустьевая и придонная зоны создавались на тулове в первую очередь, затем между ними вписывались изображения среднего яруса. Иногда придонный ярус на сосудах не выделялся, и нижней границей средней зоны служило днище. Это указывает на тесную смысловую связь придонной зоны и дна.

Еще одним принципом построения текста является ритмическое повторение знаков на тулове сосуда. Так, очень характерный и самый простой вариант декора среднего яруса представляет собой четное число тройных вертикальных линий (обычно четыре или восемь), соединяющих между собой зону венчика и придонный ярус. То же самое место в структуре текста могут занимать другие простые знаки, антропоморфные и биконические фигуры, лики (рис.2, 3, 7, 9). Повторяется одно и то же изображение, либо чередуются два различных (рис.1, 4, 5). Закономерность распределения изображений находила соответствие в форме сосуда, т.к. многие горшки имели многоугольную форму дна и тулова (рис.1, 2, 4).

Ритмичное повторение орнаментальных единиц присуще и зоне венчика. У некоторых сосудов здесь расположены горизонтальные человеческие фигуры. Их обычно восемь, они делятся на четыре пары (рис.3). Иногда на венчике четыре раза повторена композиция из двух противопоставленных лошадиных голов, между которыми расположен нереалистичный знак (рис.5). Однако обычно на этом месте изображались более абстрактные схемы из горизонтально расположенных прямых, волнистых линий и биконических фигур, тоже образующие четыре либо восемь структурных единиц (рис.2, 4, 6). У ряда сосудов по верхнему краю венчика нанесено четное число очень условных ликов (рис.7).

Придонная зона, по сравнению с другими орнаментальными зонами тулова, предстает наименее структурированной. Здесь могут быть прочерчены одна или две волнистые линии, сверху и снизу которых имеются прямые. Встречается «лесенка» из двух прямых линий с поперечными штрихами внутри. Однако чаще орнамент в придонной части сосудов еще лаконичней и состоит из одних лишь прямых горизонтальных линий. Нижний край этой зоны обычно покрыт вертикальными насечками, симметричными такому же декору на вершине венчика (рис.1).

СЕМАНТИКА ИЗОБРАЖЕНИЙ

Думается, что подразделение изобразительного пространства самусьских сосудов на три яруса по тулову отражает первобытные представления об устройстве мироздания. В частности, средняя часть тулова, где декор разрежен, где изображались стоящими антропоморфные и зооморфные персонажи, растения, соотносится со средним миром, воздушным пространством (рис.1, 4-7). Придонная орнаментальная зона и дно, над которыми расположены фигуры среднего яруса, очевидно, символизируют нижний мир, землю. Зона у венчика связана с небом. В отличие от трех зон на тулове, передававших структуру мира по вертикали, изображения на дне воплощают планиграфическую модель космоса: четырехчастные, шестиугольные, восьмиконечные схемы на донце фиксируют основные стороны света и отмечают сакральный центр. Впрочем, горизонтальная схема находила отражение и на тулове, и на венчике сосуда, что достигалось посредством нанесения четного количества изображений.

Одним из типичных орнаментальных мотивов верхнего яруса сосудов являются горизонтальные волнистые линии (рис.1, 6). В искусстве многих народов мира волнистые линии являются

универсальным символом воды, поэтому, располагаясь в зоне венчика, они, очевидно, имели значение небесных вод. Этот факт лучше всего соответствует сохранившемуся в ряде мифопоэтических традиций представлению о небе как об огромной жидкой массе – «небесном океане». Вертикальные волнистые линии, порой показанные в среднем ярусе сосуда, могут обозначать движение влаги из верхнего мира в нижний.

Рассмотрим самусьское изображение человеческой фигуры. В наиболее полном варианте она показана внутри сильно вытянутой дуги, напоминающей арку. Для данного рисунка очень типична такая деталь как соединение фигуры и дуги несколькими линиями. Характерны два основных варианта их расположения: 1)линии нанесены в средней части «арки» и делят композицию на два яруса; 2)наряду с линиями в середине «арки» имеются линии в ее верхней части, выделяющие зону, где должна находиться голова (табл.1, IIIa, *18-20*). Таким образом, рисунок подразделяется на два или три яруса, что соответствует распространенным в прошлом представлениям о структуре мироздания, выраженным через антропоморфную модель (Топоров В.Н., 1994, с.351). По аналогии с древними системами отождествления частей тела и элементов пространства голова фигуры и верхняя часть полуовала должны соотноситься с небом, туловище символизирует воздушное пространство, ноги – нижний мир. Эта схема еще раз повторяется в структуре туловища, что особенно очевидно, когда через его середину проходит двойная поперечная линия (рис.7, 8). Поскольку композиция туловища выше поперечной линии подобна наголовью, эта половина связана с верхним миром, а другая, в которой, так же как и в зоне ног, изображения отсутствуют, вероятно, соотносилась с нижним. Туловище находится внутри полуовала, зрительно воспринимаемого как руки, вместе с тем, такое объяснение знака, аналогичного полуовалу над всей фигурой, не однозначно. В космологическом аспекте полуовал мог соотноситься с небосводом, тем более что порой изображался волнистыми линиями. Кроме того, вероятна связь описанной композиции антропоморфных рисунков с представлением о ритуальном расчленении соответственно структуре пространства.

Важным знаком в исследуемом тексте является тройная линия. Есть варианты, когда она увенчана рисунком антропоморфного лика (рис.1) либо антропоморфной фигурой (рис.3). Тройная линия и антропоморфное изображение могут занимать одну и ту же позицию, например, на ребрах четырехгранного сосуда. Думается, что взаимозаменяемость этих знаков была бы не возможна без существования у них общего значения. Причем значение тройной линии, видимо, является лишь одним из аспектов семантики антропоморфной фигуры, план содержания которой шире.

Вероятнее всего, тройная линия олицетворяет одну из наиболее важных космологических функций, воплощаемых антропоморфным персонажем. Ее значение в широком смысле, очевидно, связано с обозначением вертикали, космической оси, соединяющей небо и землю. В более узком смысле это может быть символ космического столпа – мифологического образа, основная роль которого заключается в поддержании и укреплении неба, отделении его от земли.

Значению тройной линии на сосудах не противоречат ее изображения и на других предметах. В частности, на поселении Самусь IV найден цилиндрический каменный предмет, вдоль которого выбиты три желобка, а сверху находится скульптурная голова человека (Матющенко В.И., 1973а, рис. 1), что аналогично знаку в виде антропоморфного лика на вершине тройной линии. Удлиненная форма и материал изделия вполне соответствует образу столпа.

Значение, установленное для тройной линии, применимо и к другим знакам, близким по структуре и позиции в тексте: одиночной линии, двойной линии, «лесенке» и некоторым более сложным (рис.5).

Нельзя не уделить специальное внимание семантике выгнутой вниз дуги, для которой характерна позиция на вершине среднего луча над головой, в верхней части туловища, сверху тройной линии (табл.IIIa, *22, 23, 8*; II, *36*). Исходя из выявленной системы отождествления частей тела антропоморфной фигуры с элементами пространства, дуга соотносится с верхним ярусом мира, соответствует приустьевой орнаментальной зоне. Поскольку верхний ярус самусьских горшков связан с небесными запасами влаги, то близкое значение можно предполагать и для дуги. Возможно, что свое происхождение этот символ ведет от образа нависающей дождевой тучи.

Имеется сложный знак, у которого сверху вертикальной линии-столпа изображался круг (табл.1, II, *39-40*; IIIb, *1-2*). Линии, прочерченные по бокам круга, представляют собой единое целое – полуовал и, видимо, символизируют небосвод. В таком случае, наиболее вероятное значение такого круга связано с небом, его плановым изображением. Последнее подтверждается фактом наличия внутри круга точки или косого креста, служащих целям выделения четырех сторон горизонта и середины мира (рис.4, 5).

С точки зрения позиции в тексте семантика знака в виде треугольника близка образу столпа, а с учетом характерной формы, треугольник, видимо, связан с образом Мировой горы (табл.1, II, *20*).

Помимо модели мира, реализуемой через систему отождествления с элементами пространства частей человеческой фигуры, на самусьских сосудах представлена и другая, в основе которой классификация частей лика. Очень показательно изображение на фрагменте днища (рис.10). Слегка выгнутая поперечная линия противопоставляет друг другу две его части: в одной находятся глаза и «нос», в другой расположен рот. Сразу привлекает внимание, что «нос» показан вертикальной

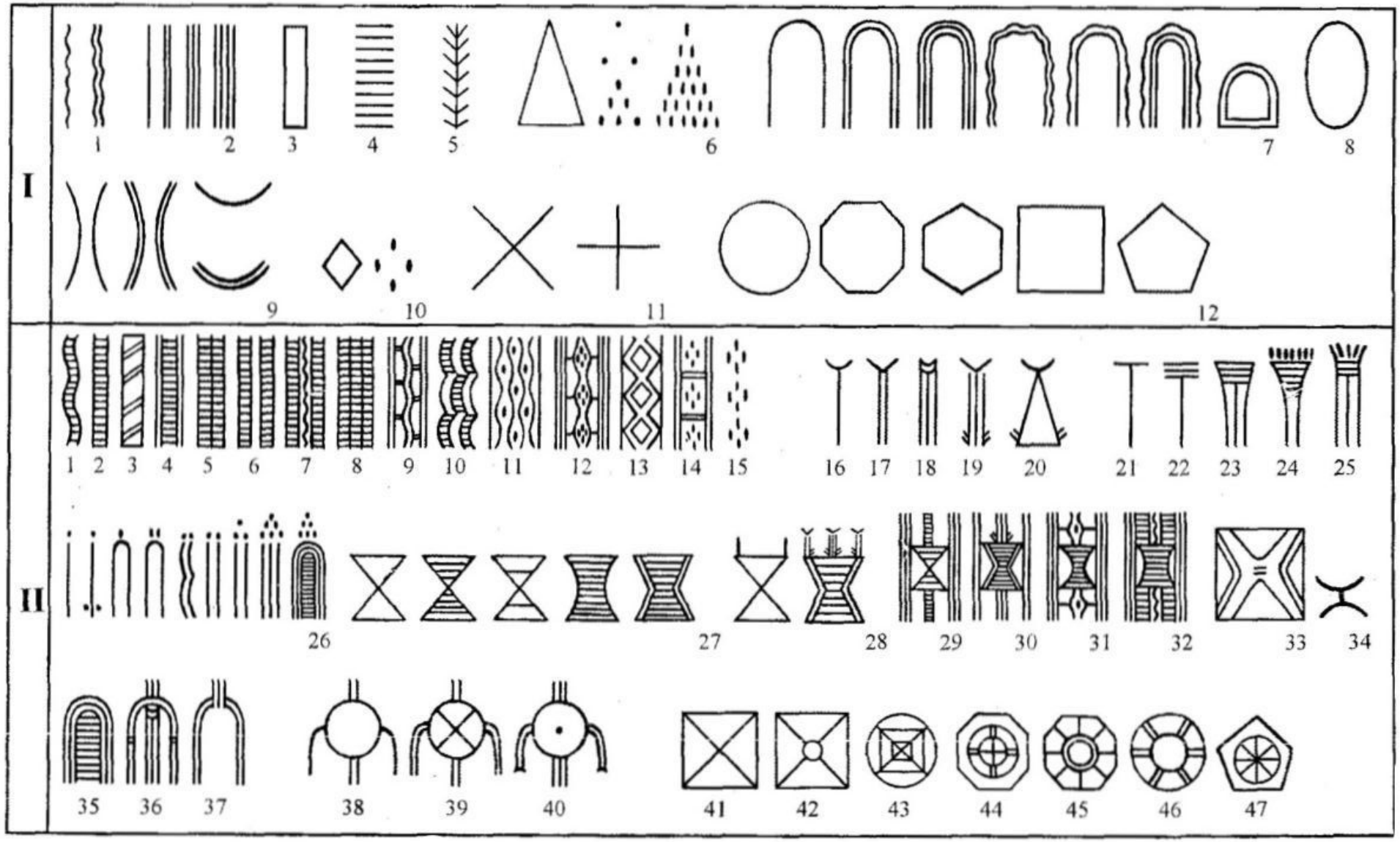


Табл.1 Классификация знаков самусьского искусства (начало)
(I – простые, II – сложные нереалистичные).

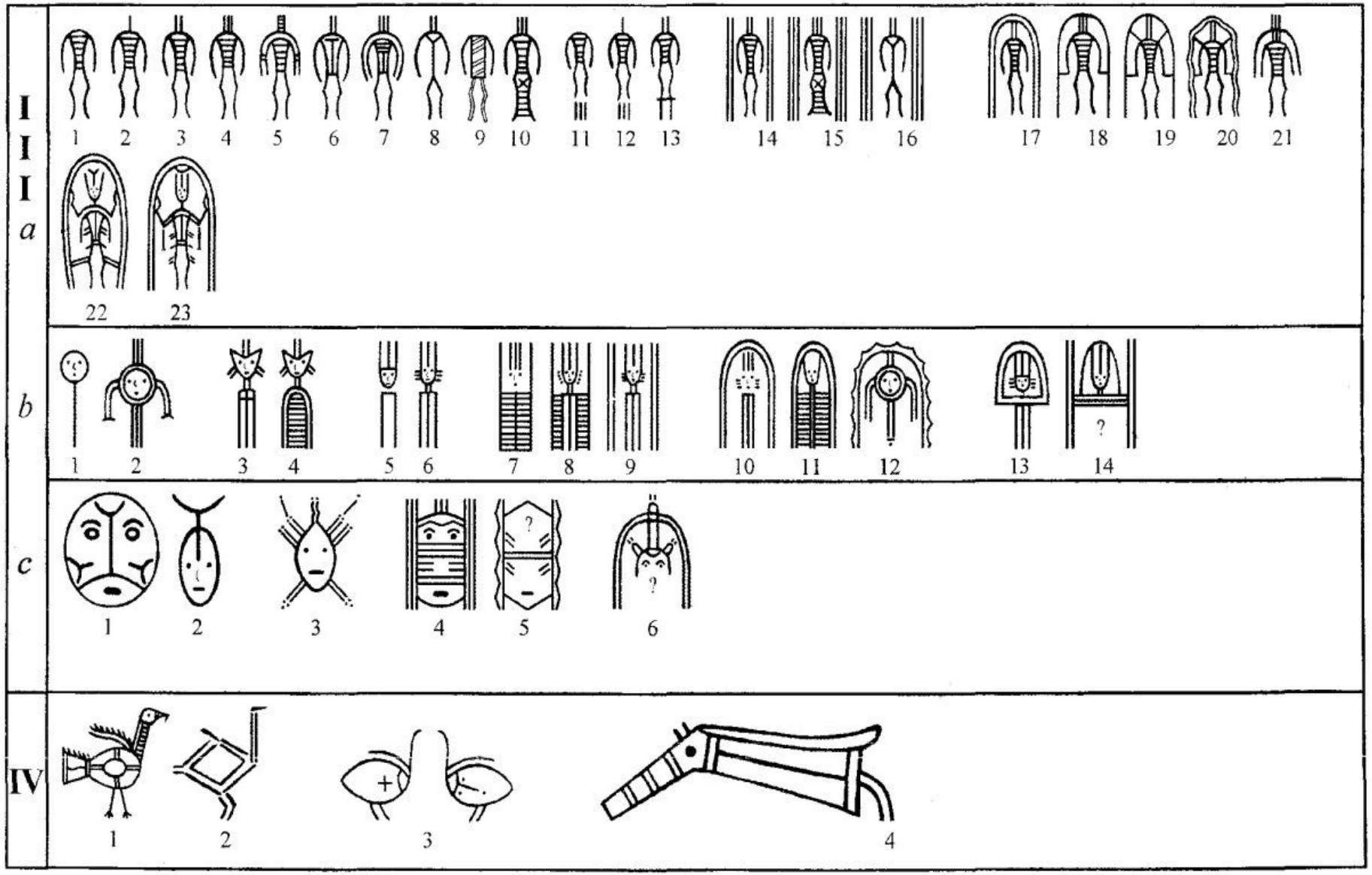


Табл.1 Классификация знаков самусьского искусства (окончание)
(III – антропоморфные, IV – зооморфные).

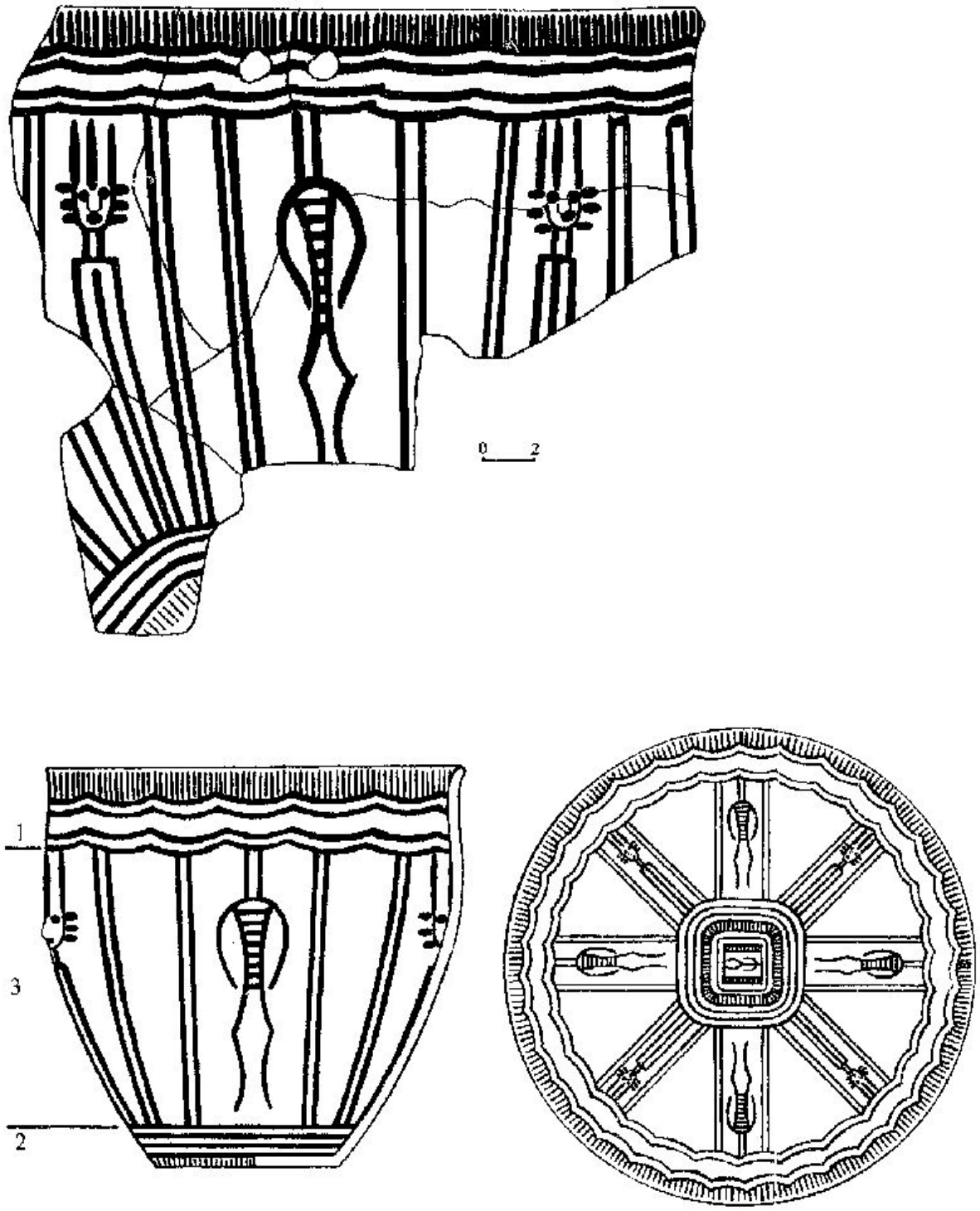


Рис.1

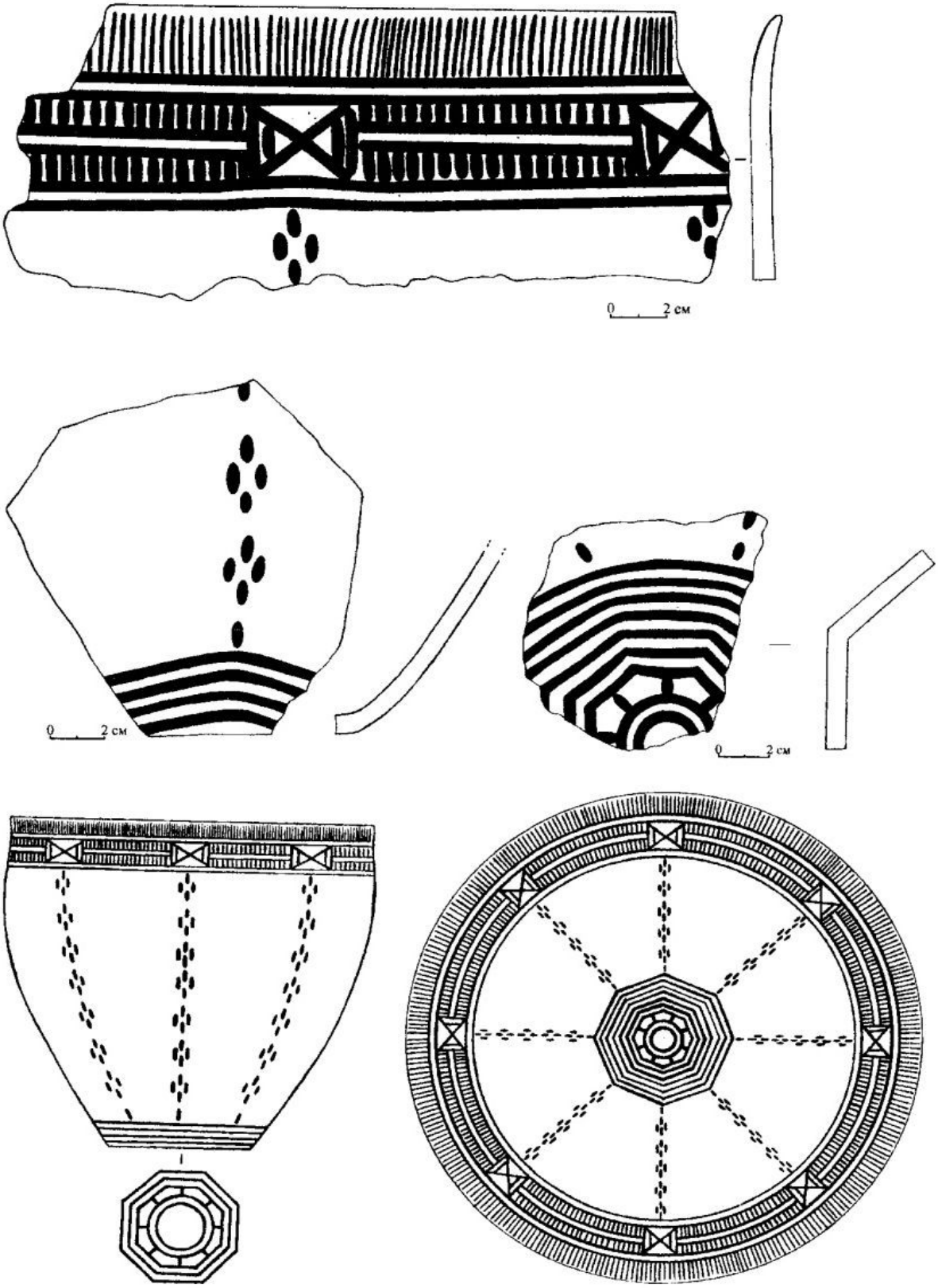


Рис.2

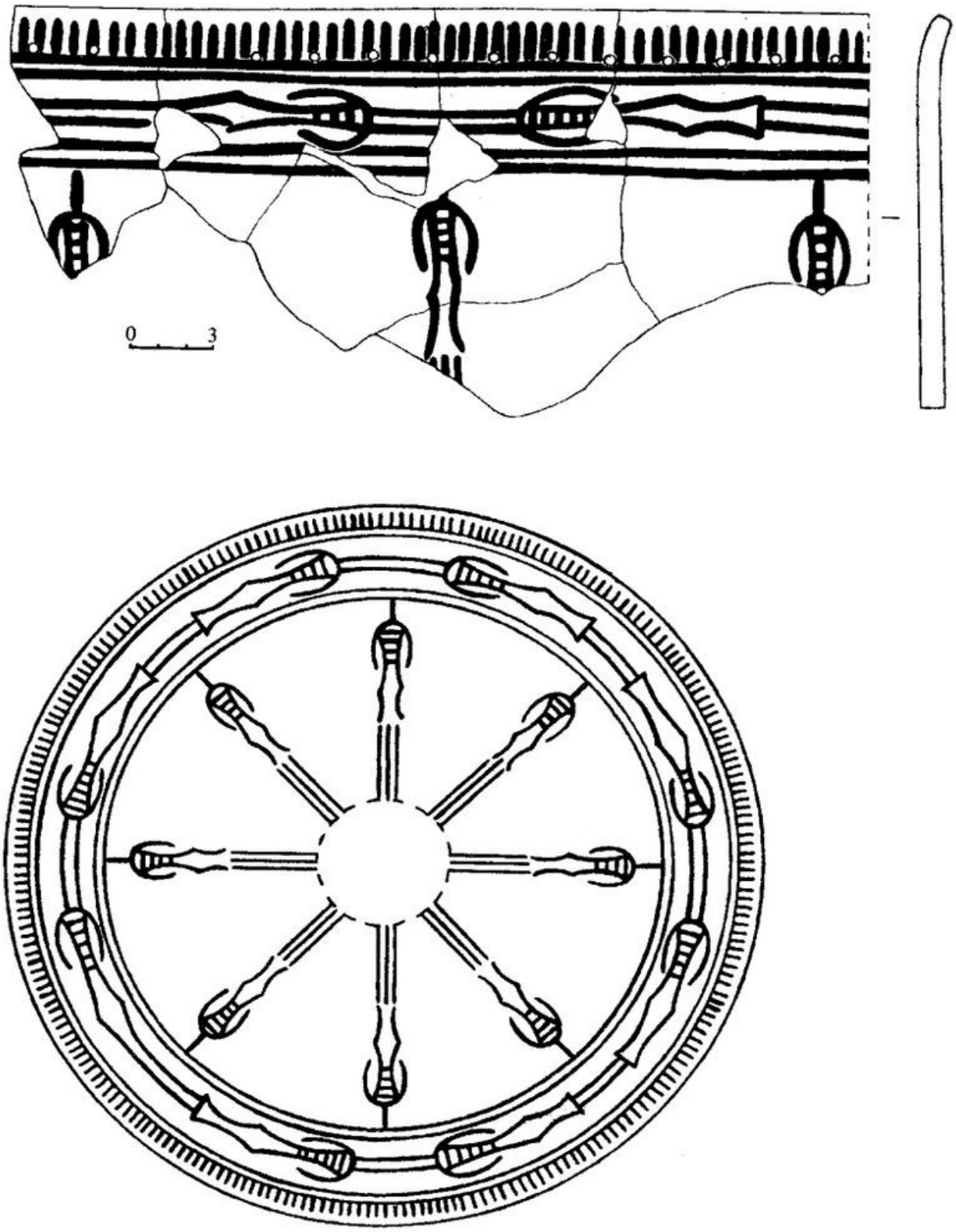


Рис.3

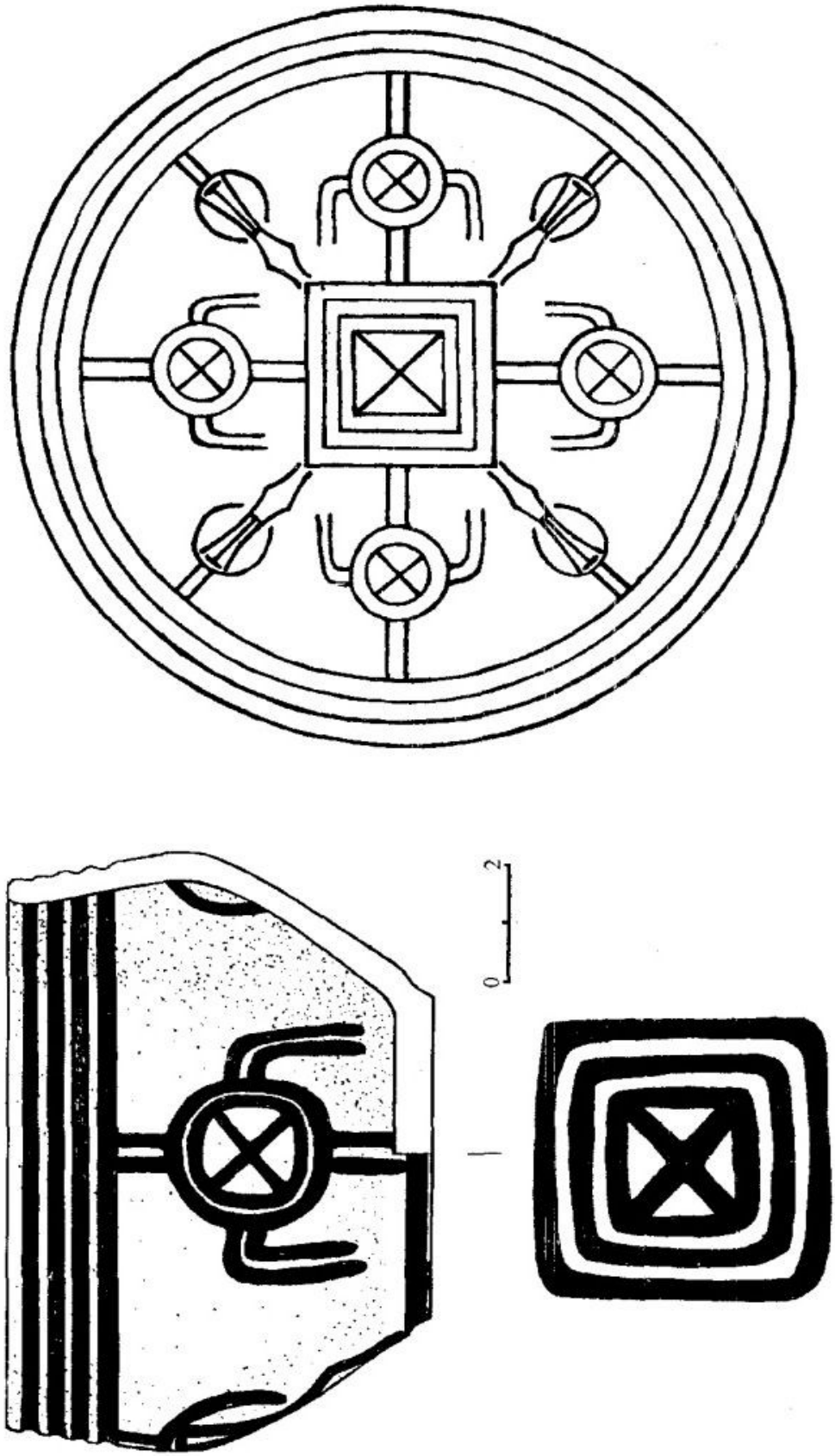


Рис. 4

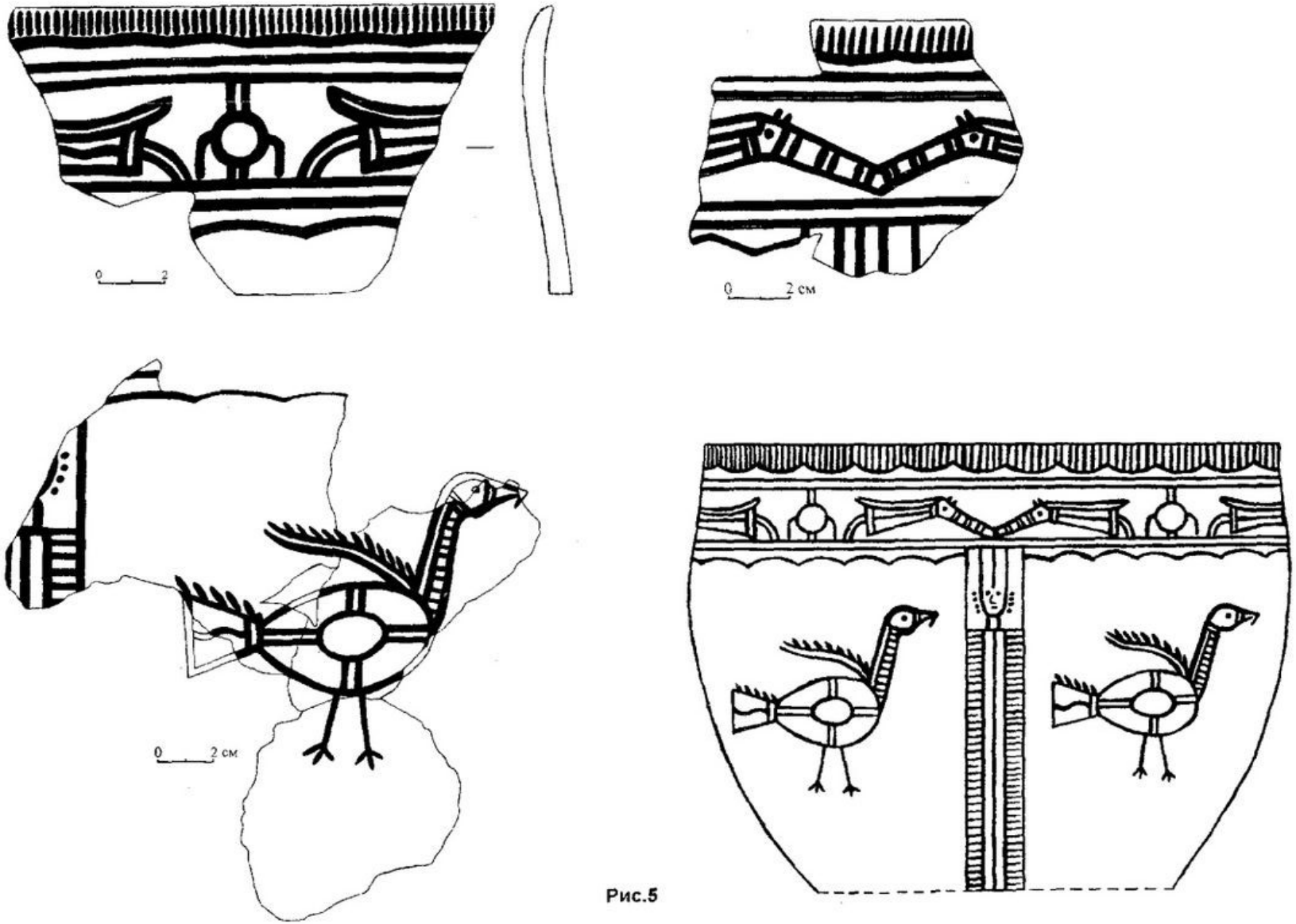


Рис.5

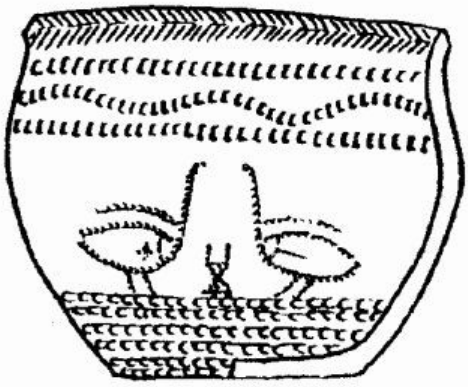


Рис.6

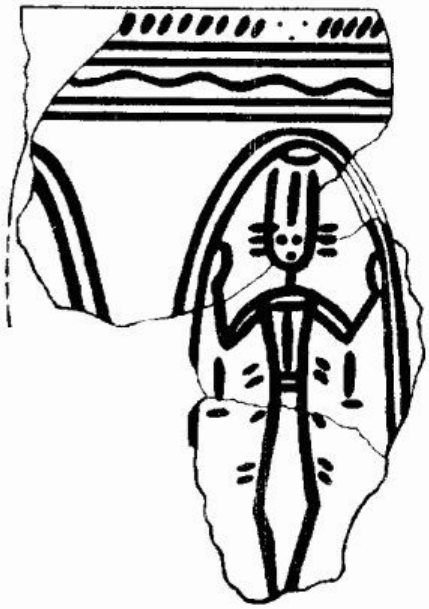
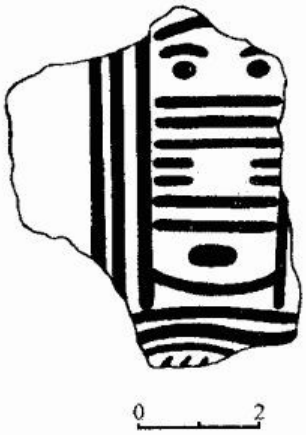


Рис.7

Рис.8

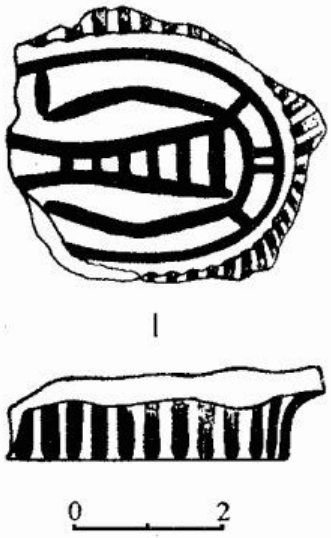


0 2

Рис.9

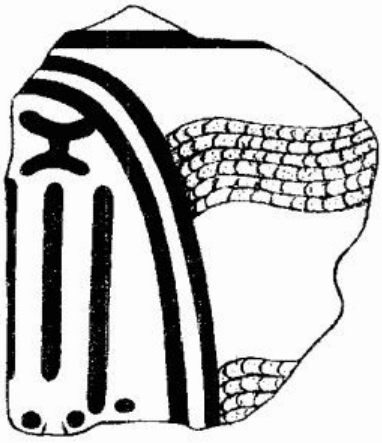
0 2

Рис.10



0 2

Рис.11



0 2

Рис.12

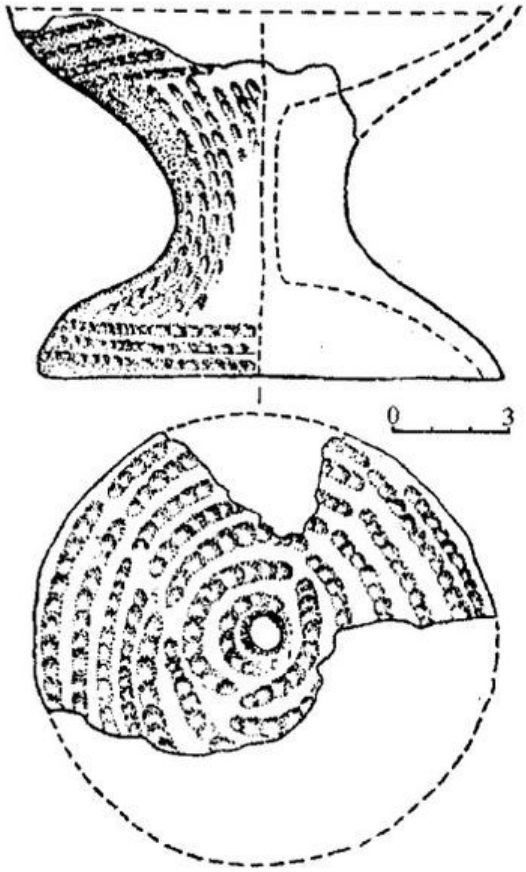


Рис.13

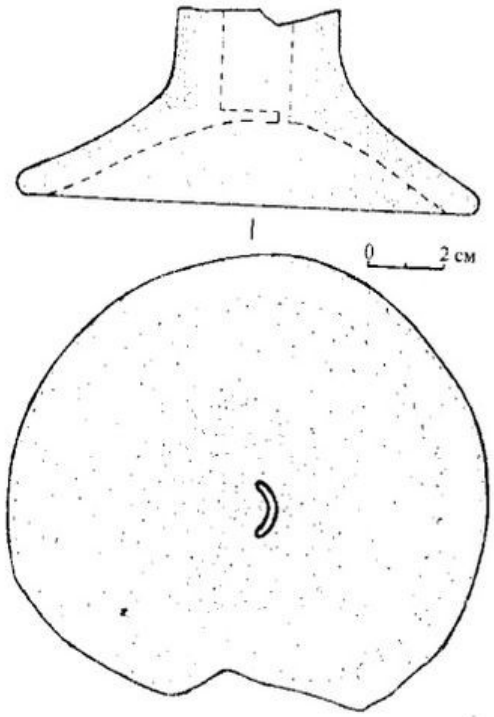


Рис.14

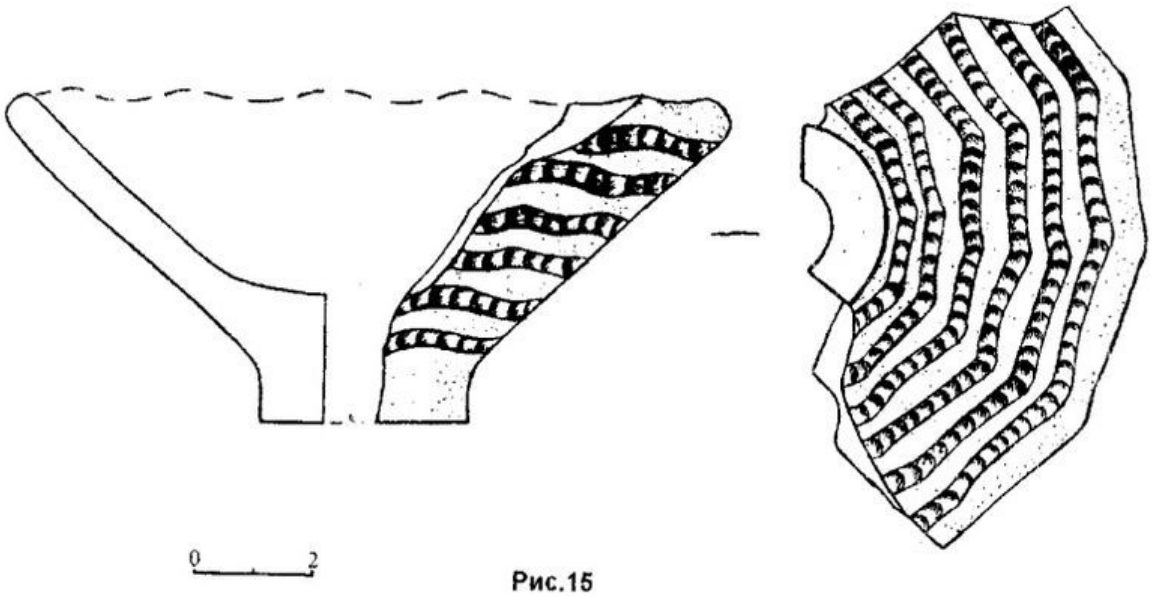


Рис.15

линией с дугой на вершине. Такой знак аналогичен среднему лучу над головой антропоморфных фигур и символизирует небо на вершине столпа, связан с верхним миром. С верхним миром и светом в различных мифологических системах связаны также глаза (Топоров В.Н., 1994, с.351). В нижнем ярусе лика только одно изображение – рот. Его роль в композиции, очевидно, объясняется передачей представлений о нижнем мире – мире мертвых, в котором все разрушается, исчезает. Например, в некоторых мифопоэтических традициях неотъемлемый признак нижнего мира – пожирание, а вход на тот свет отождествляется с глоткой (Антонова Е.В., 1990, с.102). Вместе с тем, если учитывать, что слова со значением рот во многих языках соотносятся со значением «рожать, порождать» (Маковский М.М., 1996, с.120), то для самусьского знака рта наряду с символикой уничтожения не исключена и символика порождения, соответствующая плодородию земли[2].

Переходя к рассмотрению семантики биконических знаков, следует учитывать их близость к форме биконических изделий в виде двух противоположно ориентированных чаш, обнаруженных при раскопках поселения Самусь IV и самусьского жилища на поселении Тух-Сигат IV (рис.13, 14). Орнамент одного из них весьма показателен: внешняя поверхность чаш украшена горизонтальными рядами оттисков лопатки, в средней части изделия такие же оттиски нанесены вертикально, внутри чаш они образуют концентрические окружности. Данная схема полностью соответствует принципам декорирования сосудов обычной формы, отражающим представления об устройстве космоса. Между чашами имеется сквозное вертикальное отверстие, местонахождение которого совпадает с вертикальными рядами оттисков лопатки. Вертикальное расположение оттисков адекватно движению жидкости из верхней полусферы в нижнюю, а горизонтальные ряды связаны с самими чашами, где жидкость могла на какое-то время задерживаться. С точки зрения космологии средняя часть биконического изделия, очевидно, соответствует среднему миру, где идут дожди, а полусферы соотносятся с небесными и подземными запасами влаги.

Симметричность верхней и нижней полусфер биконического сосуда допускает обратимость отношения верх – низ. Такая модель в принципе возможна, поскольку известна, например, в древнеиндийской мифологии, где существовали представления о способности подземных вод в ночное время простираться сверху (Кейпер Ф.Б.Я., 1986, с.156-162). Конструкция из двух противопоставленных чаш сопоставима со заком из двух противопоставленных дуг, соединенных прямой чертой. Подобный знак встречается над головным убором антропоморфных изображений (рис.12). Обычно на этом месте располагается одна дуга, семантика которой рассматривалась выше (рис.7). Такую дугу можно сравнить с воронкой, орнаментированной волнистыми линиями, найденной на поселении Самусь IV (рис.15).

Аналогии этим необычным для Сибири сосудам со сквозным отверстием можно обнаружить в материальной культуре различных народов переднеазиатского региона (от шумеров до хурритов) и древних земледельцев Северного Причерноморья, где они использовались для совершения жертвенных возлияний (Есин Ю.Н., 1999а, с.141-143; Антонова Е.В., 1990, с.236). Поскольку знак из двух дуг помещался в верхней части антропоморфных изображений, это, вероятно, свидетельствует о связи самусьских биконических сосудов и соответствующих обрядов с небом.

Вполне вероятно, что некоторые биконические рисунки непосредственно воспроизводят описанные самусьские ритуальные изделия. В частности, это может относиться к рисунку, по бокам которого показаны водоплавающие птицы (рис.6). Птицы ориентированы в противоположные стороны, на туловище каждой изображено по одной дуге, кроме того, на одной из фигур имеется прямой крест, а на другой - линия с точками по бокам и на вершине (табл.1, IV, *3*). В данной композиции биконическое изображение выступает наглядным воплощением середины мира, космической оси. Образы птиц могут быть связаны с оппозицией верх-низ, т.к. изображенные на них и противопоставленные друг другу дуги, видимо, соотносятся с той же самусьской космологической схемой, которая нашла отражение в конструкции биконических изделий из двух полусфер. При этом с нижним миром следует связывать птицу, на которой показан крест, т.к. подобные знаки наиболее характерны для днища самусьских горшков. Изображенная на другой фигуре линия с точкой на вершине напоминает символ столпа, а горизонтальное расположение знаков столпа присуще зоне венчика. Оппозиция верх-низ в данном случае развернута по горизонтали и обозначает противопоставление правого и левого, востока и запада. Эта модель сопоставима и с другими двоичными оппозициями, например, мужской-женский, о чем писал И.Г.Глушков (Глушков И.Г., 1989, с.26). С другой стороны, образы птиц могли выступать в качестве участников ритуала (мифических персонажей, жертвенных птиц), в котором использовался биконический сосуд.

Однако основная масса биконических фигур изображением сосудов не является, сакральная форма для них важна сама по себе. Эта форма изначально задается двумя противопоставленными

---

[2] Например, в близком самусьскому окуневском искусстве Южной Сибири имеется изображение змея, из пасти которго появляется другой, что можно расценить и как поедание, и как рождение (Пяткин Б.Н., Мартынов А.И., 1985, с.126). Сходную идею передает изображение одного знака рта внутри другого на антропоморфных ликах (Вадецкая Э.В., 1980, табл.LIII, *122*, XLII, 70), композиционное единство пасти змея в нижнем ярусе окуневских изваяний с беременным животом (Вадецкая Э.В., 1980, табл.XLIX, *103*).

треугольниками: например, на днище одного сосуда треугольники отделены друг от друга двойной поперечной чертой (табл.1, II, *33*). Если исходить из наиболее вероятного значения треугольника как символа горы, то биконический знак может описывать мир через образ двух гор. Противоположная ориентация треугольников, очевидно, объясняется различной геометрией верхнего и нижнего мира, все характеристики которых перевернуты по отношению друг к другу.

Как мы отметили, между парой симметричных треугольников проведена двойная поперечная черта. Такой же элемент иногда изображался в средней части туловища антропоморфных фигур, ликов, «арок» (табл.1, II, *36*; IIIa, *5, 22, 23*; IIIc, *5*). Значение этого элемента объясняется через его местоположение в данных космологических схемах: отмечая центр композиции, он одновременно четко разделяет ее верхнюю и нижнюю половины, «небо» и «землю». Разделение неба и земли является ключевым моментом творения мира во многих мифологических системах (Топоров В.Н., 1982, с.10).

Обратим внимание, что в верхней половине одного из ликов изображены знаки столпа с дугами на вершине, ориентированные горизонтально (рис.10). Их можно сравнить с горизонтальными линиями с внешней стороны других ликов (рис.7). С внешней стороны некоторых антропоморфных фигур можно найти аналогию и дугам, кроме того, дуги включались в структуру биконических фигур. Думается, что подобное расположение таких знаков объясняется закономерностями самусьской пространственной метрики, символизирует преобразование оппозиции верх-низ в противопоставление типа правый-левый, восток-запад.

Горизонтальное положение знаков типично для зоны венчика, придонного яруса и днища. При этом горизонтальное положение антропоморфной фигуры, помещенной на дне, т.е. в нижнем мире, соответствует обычному положению мертвых, погребенных людей (рис.1, 11). Если горизонтальная человеческая фигура символизирует нижний мир, то подобные рисунки в зоне венчика могут указывать на его способность находиться сверху (рис.3). С другой стороны, верхняя и нижняя зона одинаково противопоставлены среднему миру, являются для него потусторонними. Их отношения со средним миром описываются оппозициями центр-периферия, широкий-узкий, активный-пассивный, живой-мертвый, свой-чужой, космос-хаос. Учитывая это, можно также предположить, что близость структуры верхнего и нижнего мира объясняется их единством в период до возникновения космоса, когда не существовало воздушное пространство. Эту гипотезу подкрепляет очередность создания орнаментальных зон: нанесение изображений в верхней и нижней зоне предшествовало созданию средней.

Специального внимания заслуживают сложные концентрические схемы на донце. Например, в середине дна в круге изображался крест, отмечающий основные стороны света. В свою очередь весь этот рисунок является центром круга большего радиуса, в котором имеется четыре, шесть или восемь одиночных либо двойных лучей. Наконец, данное изображение очерчено концентрическими восьмиугольниками (табл.1, II, *45*). Поскольку днища самусьских горшков связаны с планиграфической моделью мира, эти схемы демонстрируют соотношение между центром мира и его периферией. Они показывают как постепенно, с удалением от середины, дробится и видоизменяется заложенная в центральном знаке важнейшая структурная идея. По логике этого текста периферия предстает менее упорядоченной, чем центр. Еще более усиливает это впечатление наличие на окраине некоторых днищ волнистых линий, которые символизируют воду – стихию, тесно связанную с первоначальным хаосом. Следовательно, есть все основания считать, что середина мира в самусьской космологии выполняет роль источника порядка и гармонии для всего космоса. С другой стороны, в большинстве мифологических систем центр космоса – не только гармонизирующая точка, но и место его творения (Топоров В.Н., 1982, с.16-17). По всей видимости, это относится и к самусьской модели мира. Более того, можно предположить, что середина знака играла определенную роль и во временном плане, символизируя не только место, но и время творения, т.к. для первобытного мышления пространство и время тесно связаны (Топоров В.Н., 1982, с.16, 26).

У концентрических знаков на днище существует очень важная аналогия внутри фигур водоплавающих птиц: от специально выделенной середины их тела в четырех направлениях отходят двойные линии, символизирующие основные стороны света. Другие элементы этого образа тоже несут в себе космологическое содержание. Так, вытянутая вертикально шея соответствует знаку столпа и соотносится с верхним миром, а хвост с горизонтальной волнистой линией обозначает низ. Наиболее же существенно то, что середина тела птицы, которая предстает и серединой мира, отмечена яйцевидным овалом (рис.5). Это позволяет предполагать наличие в самусьской мифологии представлений о Мировом яйце, характерных для многих мифопоэтических традиций (Топоров В.Н., 1967, с.81). С ним обычно связаны мотивы возникновения мироздания и бога-творца[3]. Следует также

[3] Например, согласно «Калевале» «из яйца, из нижней части, вышла мать земля сырая; из яйца, из верхней части, встал высокий свод небесный…»(Калевала, I). Из Мирового яйца произошла вселенная в ведийской космогонии, ее возникновение связано с рождением бога Праджапати, который стал единственным господином творения, поддержал землю и небо, измерил пространство (Ригведа, X, 121). С куриным яйцом сравнивалась первоначальная вселенная в древнем Китае, а создание современного мира объяснялось деяниями возникшего в нем бога Пань-Гу, разделившего небо и землю (Юань Кэ, 1965, с.37-42).

упомянуть, что представления о Мировом яйце нашли отчетливое воплощение в окуневском искусстве эпохи бронзы Южной Сибири[4], т.е. известны в непосредственной близости от района распространения самусьских памятников.

Таким образом, основное значение изображения птицы может быть связано с причастностью этого персонажа к творению мира. Характерно, что это именно водоплавающая птица. Связь такого образа с водой сама по себе очень показательна, поскольку древние мифы описывают первозданный хаос как стихию воды. С другой стороны, тот факт, что водоплавающая птица способна передвигаться в любой среде, вполне соответствует нерасчлененности первоначального мира. Особенностью этого персонажа является также то, что кроме порождения он связан со смертью, на что указывает клюв хищной птицы.

Яйцевидный овал внутри тела птицы не единственный самусьский рисунок, который можно соотнести с образом Мирового яйца. Думается, что формой, местоположением с этой же идеей связаны многие самусьские антропоморфные лики. Отметим, например, яйцевидное изображение, вверх и вниз от верхней и нижней половин которого отходят лучи, показанные знаком «столпа». Противоположная их направленность соответствует различной геометрии верхнего и нижнего мира, вместе с тем, они отмечают четыре основные стороны света (табл.1, IIIc, *3*).

Еще одним знаком, заслуживающим внимания в данной связи, является «арка» небосвода, т.к. по форме она близка очертаниям верхней половины яйца (рис.7). С учетом роли, которую образ Мирового яйца имел в самусьской мифологии, наверное, это сходство не случайно, тем более что вместо «арки» мог быть показан овал (рис.11), круг (Студзицкая С.В., 1987, рис.120, *6, 7*).

У некоторых сосудов в зоне венчика имеется изображение лошадиной головы. Голова, подобно человеческим ликам, поделена поперечными линиями, а шея соответствует знаку столпа. Изображение расположено горизонтально, что соответствует позиции других знаков в этой части сосуда (рис.5). Мотив отсеченной головы, наряду с выявленной в самусьском искусстве системой отождествления частей тела человека и животных со структурой пространства, вероятно, может характеризовать ритуальную практику. Кроме того, самусьский рисунок лошадиной головы с поднятой гривой и вертикально стоящими ушами можно сравнить со скульптурными изображениями головы этого животного, известными по случайным находкам в Западной Сибири. Эти каменные скульптуры являлись жезлами или навершиями жезлов (Мошинская В.И., 1976, с.70).

В заключение работы подведем некоторые итоги. Основное содержание декора самусьских сосудов – это представление об устройстве мироздания. Так, зона венчика соотносилась с небом, придонный ярус – с нижним миром, средняя часть тулова моделировала воздушное пространство. Орнамент на днище, как правило, воплощал схему космоса в плане. Также, модель мира находила отражение в структуре антропоморфных и зооморфных изображений. Принципы отождествления частей их тела с элементами пространства, очевидно, соответствуют принципам расчленения жертвы, применявшимся в ритуале. В данной статье мы избегали специального анализа зафиксированной в самусьском декоре системы мифологических персонажей, эти вопросы предполагается рассмотреть в отдельной работе.

Литература

1. Антонова Е. В. Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. – М., 1990.
2. Бобров В. В. Кузнецко-салаирская горная область в эпоху бронзы. Автореф. дисс... доктора ист.наук. – Новосибирск, 1992.
3. Вадецкая Э. Б. О сходстве самусьских и окуневских антропоморфных изображений. – СА. – №1. – 1969.
4. Глушков И. Г. Бронзолитейный комплекс поселения Крохалевка I // Древние горняки и металлурги Сибири. – Барнаул, 1983..
5. Глушков И. Г. Иконографические особенности некоторых самусьских изображений человека // Первобытное искусство. Антропоморфные изображения. – Новосибирск, 1987.
6. Глушков И. Г. О южных связях поселения Самусь IV // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. – Новосибирск, 1989.
7. Глушков И. Г. Две традиции в самусьском керамическом искусстве // Модель в культурологии Сибири и севера. – Екатеринбург, 1992.
8. Есин Ю. Н. О семантике окуневских изваяний // Мартьяновские краеведческие чтения. – Минусинск, 1999.
9. Есин Ю. Н. Биконические фигуры в древнем искусстве Сибири (по материалам самусьской и окуневской культур) // Труды международной конференции по первобытному искусству.– Кемерово, 1999а. – Т.1.
10. Кейпер Ф. Б. Я. Труды по ведийской мифологии. – М., 1986.

[4] С образом Мирового яйца связан центральный лик окуневских изваяний, имеющий яйцевидную форму: Леонтьев Н.В., 1997, с.233; Есин Ю.Н., 1999, с.145.

11. Кирюшин Ю. Ф. Изображения птиц и животных на керамической посуде из южнотаежного Приобья // Пластика и рисунки древних культур. – Новосибирск, 1983.
12. Кирюшин Ю. Ф., Малолетко А. М. Бронзовый век Васюганья. – Томск, 1979.
13. Косарев М. Ф. К вопросу об антропоморфных и солярных рисунках на самусьской керамике. – СА. – 1964. – №1.
14. Косарев М.Ф. Орнаменты на днищах сосудов бронзового века в низовьях реки Томи. – КСИА. – 1966. – Вып. 106.
15. Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. – М., 1974.
16. Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. – М., 1984.
17. Косарев М.Ф. Самусьская культурная общность // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М., 1987.
18. Леонтьев Н.В. Стела с реки Аскиз (образ мужского божества в окуневском изобразительном искусстве) // Окуневский сборник. – СПб, 1997.
19. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М., 1996.
20. Матющенко В.И., Об антропоморфных изображениях на стенках глиняных сосудов с поселения Самусь IV. – СА. – 1961. – №4.
21. Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Самусьская культура. Из истории Сибири. – Томск, 1973. – Вып.10.
22. Матющенко В.И. Некоторые новые материалы по самусьской культуре // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М., 1973а.
23. Молодин В.И., Глушков И.Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. – Новосибирск, 1989.
24. Мошинская В.И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. – М., 1976.
25. Пяткин Б.Н., Мартынов А.И. Шалаболинские петроглифы. – Красноярск, 1985.
26. Славин В.Д. Некоторые аспекты развития ранних форм религии в лесном Приобье в эпоху металла // Этнокультурная история населения Западной Сибири. – Томск, 1978.
27. Студзицкая С.В. Искусство Восточного Урала и Западной Сибири в эпоху бронзы // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М., 1978.
28. Топоров В.Н. К реконструкции мифа о мировом яйце // ТЗС. – Тарту, 1967. – Вып. 3.
29. Топоров В.Н. Первобытные представления о мире // Очерки истории естественно-научных знаний в древности. – М., 1982.
30. Топоров В.Н. Пуруша // МНМ. – М., 1994. – Т.2.
31. Юань Кэ Мифы древнего Китая. – М., 1965.

Список иллюстраций к статье Есина Ю.Н.

Рис.1-12, 14, 15 – Самусь IV: 1 (декор на днище); 6, 8 – по И.Г.Глушкову. 7 – по С.В.Студзицкой.
Рис.13 – Тух-Сигат IV; по Ю.Ф.Кирюшину.